

ВОПРОСЫ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: МЕЖДУ МУСУЛЬМАНСКОЙ УММОЙ И НАЦИЕЙ

САФАРОВ

Рафик Фируз оглу

д-р философии по истории,
Институт археологии и этнографии
Национальной академии наук
Азербайджана (AZ1143, Азербайджан,
г. Баку, Джавида Гусейна пр-т, д. 31).
E-mail: rafiksafarov@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена исследованию процессов становления и развития азербайджанской нации на рубеже XIX–XX вв. Показано, что азербайджанская нация является результатом не только объективных исторических процессов, но и целенаправленной деятельности представителей национальной интеллигенции начала XX в., а также государственных структур АДР. Особое внимание в статье уделено освещению ключевой роли выдающихся представителей азербайджанской интеллигенции — Ф. Ахундова, Г. Зардаби, А. Гусейнзаде, А. Агаева и М.Э. Расулзаде в разработке основ и утверждении среди азербайджанских тюрок единой национальной идентичности.

Ключевые слова: тюркская идентичность, Азербайджан, азербайджанская нация, тюркизм, исланизм, азербайджанизм.

Идеология национализма была чужда мусульманскому мышлению. Она возникла в Европе и была импортирована в Россию и Дар uly-Ислам. Отбросив в сторону прежние довольно запутанные и устаревшие понятия об «этнoсе» и «нации», между которыми часто ставится знак равенства, определим принципиальную разницу между этими понятиями. Современные исследования четко формулируют отличия нации от этноса, указывая на разную природу происхождения этих понятий. Этнос как явление является коллективной формой существования человеческих особей. Мы рассматриваем нацию как политическую общность граждан определенного государства. Сегодня в мире проживает до двух тысяч народов, но существует всего лишь чуть более двух сот государств и зависимых территорий.

В эпоху колониализма установились обширные контакты с Европой и Россией, откуда в Дар uly-Ислам проникали различные научные концепции (расовые и лингвистические), политические доктрины и идеологические течения. Все эти учения идейно вдохновлялись европейским национализмом.

Жителям Ближнего Востока понятия «раса» / «этнос» и «нация» были неизвестны до той поры, пока европейское влияние не стало там

более ощутимым. Даже тогда идеи определения нации как расы открыто провозглашались главным образом интеллектуалами и политическими лидерами. Рядовые же люди по-прежнему идентифицировали себя по религиозному признаку, как мусульмане.

Общая география и историческая судьба неразрывно связывали Азербайджан с Ираном. Столетняя борьба за центральную власть между азербайджанскими группировками завершилась победой азербайджанцев-шиитов (кызылбашей). В начале XVI в. шейхи Сефеви сменили на азербайджанском троне в Тебризе династию падишахов Аккоюнлу, и первым указом шах Исмаил провозгласил шиизм государственной религией. К середине XVI в. под османским владычеством оказались значительные азербайджанские земли Малой Азии и Ирака и проживавшие там азербайджанцы (больше известные тогда как туркиманы). Следующее разделение азербайджанской территории произошло, когда Северный Азербайджан в XIX в. подпал под колониальное правление христианской державы России — евразийской цивилизации, с XVIII в. подвергавшейся европеизации. Северные азербайджанцы раньше, чем многие другие мусульманские общности, попали под влияние европейской культуры, но через Россию.

Как было отмечено, азербайджанцы наряду с турками составляли основу и Османской империи. Однако сами османы не считали Османскую империю только тюркской. Для них она была исламским государством, которым на основе исламских канонов правил султан. Османская империя ни в каком смысле не была национальной империей: никакого официального разделения по этническим группам в ней не делалось¹.

Как и в Турции, мусульманское население Северного Азербайджана состояло из шиитов и суннитов. В процессе зарождения и формирования национальной идентичности проявлялось взаимовлияние двух центров: османского и иранского.

Но для Азербайджана приход колониальной эпохи означал, прежде всего, разделение страны и ее народа. Две части Азербайджана оказались на различных направлениях исторического развития, при этом одна находилась под европейским влиянием, воспринимавшимся в основном через призму России. Социальная трансформация после захвата Азербайджана была медленной и ограниченной, но все же в конце концов экономический и социальный облик земель к северу от реки Аракс стал резко отличаться от облика юга.

Контакт двух цивилизаций — европейской, представленной Россией, и традиционной исламской — породил местную интеллигенцию. Во второй половине столетия в азербайджанской интеллектуальной среде стали доминировать выпускники российских и европейских университетов, учительских семинарий Закавказья. Интеллигенция в целом разделяла ряд убеждений, установок и мнений, которые сделали ее

¹ См.: Маккарти Дж., Маккарти К. Тюрки и армяне: Руководство по армянскому вопросу / пер. с англ. Баку: Азернешр, 1996. С. 19.

проводником идей модернизации, а в дальнейшем — главным действующим фактором изменений в местном обществе.

Первым и наиболее важным было распространение образования. С этим был связан и секуляризм, не столько из-за враждебности к исламу, сколько как средство постепенного внушения чувства общности всех мусульман Закавказья, преодолевающего разделение на шиитов и суннитов. Важной сферой деятельности интеллигенции было также азербайджанское литературное возрождение.

Так как литературное возрождение исходило из необходимости распространения идей просвещения среди как можно большего числа людей на понятном им языке, данное движение неизбежно вело к созданию новой групповой идентичности. И если Фатали Ахундзаде не сомневался в том, что его духовной родиной был Иран, то страной, где он вырос и чей язык стал для него родным, являлся Азербайджан. Его лирическая поэзия была написана на персидском, но труды, затрагивавшие вопросы социального значения, создавались им на родном языке его народа, который он именовал «тюрки», — тюркском. Он сочетал более широкую иранскую идентичность с идентичностью азербайджанской, употребляя термин «ветен» (родина) для обозначения обеих стран. С этой идеей Ирана как «родины родин» он стал важнейшей фигурой литературного возрождения, процесса, который, по иронии истории, вел к освобождению азербайджанцев в Российской империи от длившегося столетиями иранского культурного доминирования¹. Эта «деиранизация» нашла определенную поддержку у российских властей, стремившихся ослабить идентификацию азербайджанцев с Ираном и усилить попытки языковой русификации.

Почти одновременно с возникновением театра появилась и азербайджанская пресса — также благодаря усилиям Гасан-бея Зардаби. В 1875 г. он выпустил в Баку газету «Экинчи» («Пахарь») — первый тюркоязычный печатный орган в России.

Получивший образование в Париже Ахмед-бей Агаев в работах 1890-х гг. выражал свою иранскую идентификацию и антиосманские настроения. В его взглядах не было ничего, позволявшего предположить, что он станет затем видным тюркским националистом. Он говорил об Азербайджане как о персидском обществе и остро порицал тех, кто раньше, подобно Зардаби, подвергал это сомнению. В исламском возрождении, которое должно было вдохновляться примером Запада, Агаев отводил Ирану роль, сопоставимую с ролью Франции в Европе. На этой стадии он все еще придерживался панисламистских воззрений, которые доминировали среди азербайджанской интеллигенции².

Призывая к единству мусульман во всем мире в ответ на вторжение Запада, что не могло не получить широкой массовой поддержки, панисламизм обращался к коллективному сознанию уммы — всемирной

¹ Algar H. Mirza Malkum Khan. A Study in the History of Iranian Modernism. Berkeley, 1973. P. 264–268.

² См.: Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

общины всех верующих безотносительно к их этническим различиям. Представляя собой прежде всего защитную реакцию на давление внешнего мира, панисламизм не смог развиваться в четко оформленную доктрину. В действительности было несколько его вариантов, и либеральный вариант пропагандировался уроженцем Ирана писателем Сайидом Джамаладдином аль-Афгани. Он был убежден в совместимости ислама с разумом, наукой, технологией и побуждал своих единоверцев воспринять — хотя и избирательно — западную технику и методы. Молодых азербайджанцев, таких как Агаев, данный вариант панисламизма аль-Афгани особенно привлекал перспективой примирения между суннитами и шиитами в экуменическом духе модернизированного ислама. Кроме того, это облегчало для них культивирование исторической связи с Ираном¹.

Новое движение пантюркизма в Российской империи начало распространяться благодаря усилиям крымского татарина Измаила Гаспринского, который в своей газете «Терджюмен» («Переводчик»), выходящей с 1883 г. в Бахчисарае, проповедовал единение всех тюркских народов в рамках империи. Он тщательно подчеркивал свою лояльность к России, но в то же время выражал тревогу в связи с опасностями, рождавшимися попытками русификации, особенно инспирируемыми панславизмом. В основном с целью противостояния ему Гаспринский разработал защитную программу единения тюркоязычных народов в рамках Российской империи — тюркизма и пантюркизма. Первый термин выражал стремление к этнической идентичности тюркских народов, второй — к их сотрудничеству и солидарности. При этом пантюркизм и панисламизм не исключали друг друга, так как ислам являлся общей религией почти для всех тюркских народов. Корни пантюркизма были в этническом и языковом самосознании группы народов, панисламизм же выражал их религиозную идентичность.

Проповедуемое им единство тюрков было единством духовным, языковым и культурным и выражалось в знаменитом лозунге: «Единство языка, мысли и дела». Первым шагом на пути к этой цели должно было стать создание литературных форм языка, приемлемого для всех тюрков — от Балкан до Китая. Такой язык фактически и создавался «Терджюменом». В его основу был положен стамбульский диалект турецкого языка, то есть язык Османской империи². В Азербайджане такая попытка османизации подвергалась критике за свою искусственность, и все же эта тенденция проявилась и в местной прессе после периода «Экинчи».

Тем не менее подъем тюркизма стимулировал поиск азербайджанцами своего самосознания. Наиболее интеллектуальный из журналов периода после «Экинчи» «Кешкюль» впервые провел различие между

¹ Keddie N. An Islamic Response to Imperialism: Political and religious Writings of Sayyid Jamal addin "al-Afghani": A Political Biography. Berkeley: California University Press, 1972.

² Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge: Harvard University Press, 1960. P. 24–36.

понятиями местной религиозной общины и национальности, все еще обозначавшихся единым словом «миллет». «Кешкюль» высмеивал тех, кто на вопрос: «Кто ты по национальности?» отвечал: «Я мусульманин». Делая еще один шаг в этом направлении, данный орган предлагал ввести термин «азербайджанские турки» для обозначения народа, живущего по обе стороны ирано-российской границы. «По отдельности мы — не “азербайджанлы”» (азербайджанцы)¹.

Данный литературный подход к проблеме формирующегося самосознания, связывающий тюркское самосознание и собственно азербайджанскую идентичность, означал, что интеллигенты, начавшие свою общественную деятельность в последнем десятилетии XIX в., коренным образом отличались от своих предшественников: их деятельность вдохновлялась уже политическими идеями.

Одним из первых мусульман в России, перешедших от образовательного и культурного пантюркизма к политической активности, стал азербайджанец Али-бей Гусейнзаде. Вдохновленный размахом панславизма он занялся распространением идеи единой тюркской нации. Он синтезировал политическую мысль азербайджанцев на данном этапе ее развития: «Как мусульмане и подданные России, мы стремимся к прогрессу в рамках Российского государства. Как мусульмане, мы хотим также прогресса всех наших единоверцев и от всего сердца желаем им благополучия в любом конце света. Но мы также и турки, и поэтому надеемся на прогресс, процветание и счастье всех тюрков мира»².

А. Гусейнзаде сформулировал ставший позже знаменитым лозунг: «Тюркизация, Исламизация, Европеизация». Этот лозунг, впоследствии воспринятый и слегка модифицированный османским писателем Зия Гёкалпом, стал боевым кличем тюркистов в Османском государстве. В Азербайджане же эти три слова спустя некоторое время получили символическое выражение в трех цветах флага независимой республики³.

Гораздо медленнее изменялась групповая идентичность. Еще в начале XX в. посещавшие Баку иранцы чувствовали себя среди своих, а такие общественные деятели, как М. — Э. Расулзаде, А. Агаев и Н. Нариманов, воспринимали иранские дела как свои собственные.

В Турции в 1908 г. власть захватили младотурки, что оказало динамичное и глубокое влияние на азербайджанцев⁴. Движение пропаганды тюркизма возглавили интеллектуалы, в том числе местные азербайджанцы и приглашенные из России турки — татары и азербайджанцы. Будучи наконец признанным в Турции, пантюркизм — до этого аморфное культурное движение — приобрел политически организованные

¹ Keshkul. Baku. 1891. № 22.

² Hayat. Baku. 1905. 7 iyun.

³ Kamaloglu R. Turk dunyasinin boyuk ideologu // Azerbaijan. 1991. № 3 (23).

⁴ Feroz A. The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics. Oxford University Press, 1969.

формы, ведущим теоретиком которого стал Зия Гёкалп. В азербайджанской среде, прежде всего А. Агаев, ранее известный своей идентификацией с Ираном, переориентировал свою интеллектуальную энергию и стал приверженцем младотурков, предлагавших более четкую перспективу преобразований и прогресса. С этого времени Агаев связал свою политическую жизнь с тюркизмом и, в конце концов, с тюркским национализмом.

Другие эмигранты из восточного Закавказья принесли с собой на родину ставшие более четкими и сильными идеи тюркизма, который после 1908 г. превратился в доминирующее течение в азербайджанской политической мысли. Даже консерваторы, с подозрением относившиеся к национализму и склонные к шиитским предубеждениям против Турции, были охвачены духом солидарности с османами.

В их числе был Мамед Эмин Расулзаде, политическая деятельность которого включала участие в Русской революции 1905 года, затем в 1907 г. — активную роль в Иранской конституционной революции и после этого тюркистскую деятельность в Стамбуле. Вдохновленный идущими во всем мире движениями мусульманских народов, он стал одним из основателей политической партии «Мусават» («Равенство»), а затем ее признанным лидером¹. Он выявлял соотношение понятий «умма» и «миллет», доказывая, что между ними есть существенное различие. По его мнению, понятие «умма» имеет чисто религиозное значение и выражает коллективное сознание верующих всего исламского мира. В то же время понятие «миллет» относится к сообществам, основывающимся на общем языке, культуре, территории и истории, равно как и на религии, но при этом последняя выступала в качестве только одного из создающих «миллет» элементов².

Расулзаде утверждал, что понятие «миллет» не должно употребляться для обозначения религиозной группы: его значение в первую очередь секулярное и оно близко к понятию нации (куам), хотя отличается от него тем, что указывает на определенную территорию. Секулярный национализм стал основой позднейшей идеологии мусаватизма, но в данный момент Расулзаде остановился перед признанием особой национальности своих соотечественников и не доходил до утверждения азербайджанской национальной идентичности.

Под ощутимым влиянием европейских понятий о «расе» и «нации» с последней четверти XIX в. среди образованной прослойки закавказских мусульман развернулась дискуссия по вопросам национальной проблематики, в том числе о едином самоназвании. Для самоидентификации предлагались наименования «азери», «азербайджанцы»

¹ *Mirza-Bala M. Milli Azərbaycan hareketi: Milli Azərbaycan Musavat Firkasinin tarihi.* Berlin, 1938.

² *Dirilik.* Bakı, 1914. № 3.

и «азербайджанские тюрки / турки»¹. Продолжительная дискуссия носила политизированный характер и, начиная со времен бурных событий 1905–1907 гг., сторонники романтических идей пантюркизма, используя индифферентизм народа, настойчиво навязывали лингвистический термин «тюрк», который ранее не употреблялся в каком-либо национальном смысле².

В разгар дебатов историк литературы Феридун-бей Кочарли выступил с важным заявлением, связывающим вопрос о языке с национальной идентичностью и противостоянием внешним влияниям. Он писал, что язык — «основная характеристика каждой нации (миллета): она может потерять свое богатство, свое правительство, даже свою территорию и все же будет жить, но если она потеряет свой язык, от нее не останется и следа». Именно эта опасность нависла над кавказскими тюрками, которые только сейчас вернули себе письменный язык после длительного периода доминирования персидского, но тотчас же столкнулись с перспективой его замены османским. В язык кавказских тюрков стали привноситься османские слова и выражения, и Кочарли сравнивал усилия османизаторов с прошлыми попытками русификаторов. «По нашему мнению, такое обезьянничанье, такой образ действий фактически является национальным предательством»³. Это сильное утверждение собственной идентичности и стремления к эмансипации от внешних культурных влияний предвосхищало появление азербайджанизма — будущей политической программы азербайджанского национального государства.

После Февральской революции 1917 года в Азербайджане сразу же началась активная политическая жизнь и возникли азербайджанские национальные политические партии. Каждая из партий придерживалась одной из идеологических ориентаций, которые формировали политический процесс в Азербайджане: национализм, панисламизм, социализм.

В это время национализм по-прежнему означал широкий тюркизм с растущим компонентом азербайджанской идентичности. Главным защитником данной идеологии стал «Мусават», крупнейшая политическая сила. «Мусават» выдвигал две основные идеи. Первая — это секулярный тюркский национализм, сущность мусаватизма. Нация, как определяла это понятие официальная партийная формулировка, — это «общность языка, религии, традиций, культуры, литературы и права. Сама по себе религиозная общность, несмотря на утверждения некоторых наших современников, не образует нацию»⁴. Другой общей идеей был

¹ См.: Сафаров Р. Этноэтнонимы азербайджанцев в исторической ретроспективе // Актуальные проблемы Востока: история и современность. Баку, 2003. С. 66–68.

² См. там же. С. 68.

³ Ana dili // Molla Nasraddin. 1913. № 22.

⁴ Keykurun N. Turk Ademi Merkeziet Firkasinin faaliyeti ve Musavat Partisiyle birlesmesi // Musavat Bulteni. 1962. № 4. S. 19–21.

проект создания автономной республики Азербайджан в составе России, ставшей федерацией свободных и равных государств. Программа федерализации свидетельствует о новой стадии исторической эволюции азербайджанцев — стадии перехода к национальному государству. Стремление к федерализму, однако, было постоянной, а не преходящей чертой, связанной с сомнениями относительно жизнеспособности полностью независимого Азербайджана.

Кульминацией становления национальной идентичности азербайджанцев было провозглашение 28 мая 1918 г. независимости и образование Азербайджанской Демократической Республики. Значение национализма теперь заключалось в признании того, что азербайджанцы, являясь частью большой семьи тюркских народов, составляют самостоятельную нацию. Тюркский (азербайджанский) язык был объявлен государственным языком республики.

Просуществовавшая в течение короткого времени независимая азербайджанская государственность, несмотря на всю свою слабость, стала историческим фактом громадного значения. Республика оказалась достаточно жизнеспособной, чтобы заставить большевиков признать азербайджанцев как нацию, имеющую право на собственное государство, уже не независимое, но обладающее автономией советского типа. При этом следует помнить, что именно автономия была наиболее четко выражаемым устремлением национального движения до 1918 г.¹

Как любая иная форма колониализма, российское правление имело и темные и светлые стороны, но одно его следствие особенно важно: севернее Аракса постепенно возникало самосознание отдельной, основанной на особом языке, азербайджано-тюркской нации; этому процессу способствовал рост интеллигенции, современных средств коммуникации, развитие образования. Обстоятельства сложились так, что зарождавшийся национализм, еще скорее тюркский, чем азербайджанский, был вынужден в 1918 г. создать независимое национальное государство. До развала СССР Азербайджанская Демократическая Республика была высшим пунктом национальных устремлений азербайджанцев, хотя в 1918 г. независимость не входила в число задач, поставленных национальным движением, добивавшимся лишь формы автономной государственности. Политика Советской власти в 1920-х гг. — национальный договор о коренизации, реформы алфавита, секуляризация — продолжала и расширяла процессы превращения азербайджанцев в нацию. В период высшего расцвета сталинской власти азербайджанизм, партикуляристский компонент групповой идентификации азербайджанцев, был очищен от тюркистского и исламистского наследия и навязан им с присущей тем временам жестокостью.

¹ *Swietochowski T.* Russian Azerbaijan. 1905–1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge University Press, 1995. P. 165–190; *Rasulzade M.E.* Azərbaycan Cumhuriyyəti. Bakı: Elm, 1991. S. 66–78.

Национальная идентичность азербайджанцев, сформированная местной элитой во времена российского правления, усилилась в течение 25-летнего существования независимой государственности.

Литература

Аршаруни А., Габидуллин Х. Очерки панисламизма и пантюркизма в России. М., 1931.

Маккарти Дж., Маккарти К. Тюрки и армяне: Руководство по армянскому вопросу / пер. с англ. Баку: Азернешр, 1996.

Сафаров Р. Эндотнонимы азербайджанцев в исторической ретроспективе // Актуальные проблемы Востока: история и современность. Баку, 2003. С. 66–68.

Algar H. Mirza Malkum Khan. A Study in the History of Iranian Modernism. Berkeley, 1973.

Ana dili // Molla Nasraddin. 1913. № 22.

Dirilik. Baku, 1914. № 3.

Feroz A. The Young Turks: The Committee of Union and Progress in Turkish Politics. Oxford University Press, 1969.

Hayat. Baku. 1905. 7 iyun.

Kamaloglu R. Turk dunyasinin boyuk ideologu // Azerbaycan. 1991. № 3 (23).

Keddie N. An Islamic Response to Imperialism: Political and religious Writings of Sayyid Jamal addin "al-Afghani": A Political Biography. Berkeley: California University Press, 1972.

Keshkul. Baku. 1891. № 22.

Keykurun N. Turk Ademi Merkeziyet Firkasinin faaliyeti ve Musavat Partisiyle birlesmesi // Musavat Bulteni. 1962. № 4.

Mirza-Bala M. Milli Azerbaycan hareketi: Milli Azerbaycan Musavat Firkasinin tarihi. Berlin, 1938.

Rasulzade M. E. Azerbaycan Cumhuriyyeti. Baku: Elm, 1991.

Swietochowski T. Russian Azerbaijan. 1905–1920. The Shaping of National Identity in a Muslim Community. Cambridge University Press, 1985.

Zenkovsky S. Pan-Turkism and Islam in Russia. Cambridge: Harvard University Press, 1960.

**PROBLEMS OF THE AZERBAIJANI IDENTITY:
BETWEEN A MUSLIM UMMA
AND THE NATION RAFIK F. SAFAROV, DOCTOR OF HISTORY**

Rafik F. SAFAROV

doctor of history Institute of Archaeology
and Ethnography of Azerbaijan National
Academy of Sciences (31, Pr.Huseyn
Javid, Baku, AZ1143, Azerbaijan).
E-mail: rafiksafarov@mail.ru

Abstracts. The article is devoted to research of processes of formation and development of the Azerbaijani nation at a boundary of the XIX–XX centuries. It is shown that the Azerbaijani nation is result not only objective historical processes, but also purposeful activity of representatives of the national intellectuals of the beginning of the XX century, and also government institutions of ADR. The special attention in the article is give to coverage of a main role of outstanding representatives of the Azerbaijani intellectuals — F. Akhundov, G. Zardabi, A. Guseynzade, A. Agayev and M. E. Rasulzade in development of bases and the statement among Azerbaijani turks of total national identity.

Keywords: Turkic identity, Azerbaijan, Azerbaijani nation, Turkism, Islamism, Azerbaijanism.

